

РАСПУТАТЬ ГОРДИЕВЫ УЗЛЫ

О том, что касается всех

На круги своя

Гордиев узел можно разрубить. Это показал Александр Македонский. А потом история 2200 лет доказывала, что ничего хорошего из рубки узлов не выходит. 2200 лет с гаком. Но, кажется, ничего до сих пор не доказала.

Я не знаю, как распутать весь клубок социальных и экономических неразрешимостей, Вставших перед нашей страной. Знаю только, что клубков, которые вовсе нельзя распустить, нет. И нужно терпение. Сколько потребуется времени? Много. Сколько воли, выдержки? Очень много, но другого пути нет.

Один из самых запутанных вопросов — национальный. И тут легче всего выхватить меч из ножен. При всеобщем восторге и вое толпы. А потом начинается кровавая каша.

С этим огнем играли долго — начиная с 40-х годов. Были уверены, что империя крепка и можно направлять народную ненависть в заданном направлении, как воду по арыкам. Я довольно давно предвидел, чем это кончится: что империя рухнет и вода выйдет из берегов. Что шовинизм заразителен и легко меняет свое направление. Что за шовинистическую политику московской номенклатуры будет расплачиваться русское население вне России.

В 1982 году по случаю смерти одного моего друга, ставшего сионистом, я вспомнил другого старого приятеля, ставшего русским националистом, и написал статью «За поворотом» — о всеобщем повороте к национализму. Я понимаю психологию взаимных счетов — кто виноват в русской революции. Когда сын—неудачник, отец видит в нем сходство с матерью, а мать — с отцом. Для евреев, решившихся - уехать из застоя, революция стала русской неудачей. Для русских интеллигентов, неспособных взять на себя тяжесть ответственности, революция стала еврейским гешефтом, и «Наш современник» охотно поддержал курс Суслова на организованное и направляемое разжигание юдофобства. Я вдумался, чем это кончится, и написал: «Евреи будут уезжать, а резать будут русские, как резали в 1958 году в Грозном» .

Статья была опубликована в 1985 году в «Стране и мире» (Мюнхен) и прошла незамеченной. Потом я процитировал самого себя в эссе «Корзина цветов нобелевскому лауреату» («Октябрь» , 1990, № 12). На этот раз заметили — в Грозном — и запротестовали. Пришлось объяснить, что массовой резни, как в Сумгаите, я тогда (в 1982-м) и представить себе не мог; но не от случая к случаю резали; после одного инцидента рабочие Грозного взбунтовались, разорили милицию и потребовали вычлнить Грозный из Чечено-Ингушетии. Кстати, появились публикации об этом событии (в 1991 г., ранее — ни строчки), и в прокуратуре мне поверили (дело в Грозном завели серьезное, по ст. 74).

Что касается тех, к кому я обращался,— русских интеллигентов, захваченных шовинистической волной,— то они в упор не замечали моих аргументов и вместо спора по сути дела изображали меня каким-то чудовищем, жаждущим русской крови. На самом деле я всегда на стороне тех, кого режут, и я несколько раз за последние годы повторял свою мысль, что разжигать ненависть к меньшинствам в России — значит подавать пример, который будет использован против русских там, где они, москали, гяуры и т. п., т. е. на положении жидов. Сегодня это, кажется, очевидно. Впрочем, в доме повешенного нельзя говорить о веревке, и из моего интервью в газете «Мегаполис-континент» (редактор Юлиан Лукасик) недавно опять было выброшено:

«Национализм для России — ад. Национализм ставит в страшное положение двадцать миллионов русских в республиках бывшего Союза...» И все дальнейшее развитие этой темы тоже выброшено: «Мы не в национализм впадаем, а в этнизм. Нация — это европейская категория. Нация — это общность, объединяющая людей одной культуры... Современная нация — это совсем не племя» и т. д. Все, что касается национальных проблем, выброшено. Национальная тема, видимо, мыслится как монополия «патриотов» (ср. № 16 22 апреля 1992 г.).

В формулировках, которые я процитировал, есть небрежность устной речи, и на всякий случай поясню свою точку зрения: нацию я понимаю как открытую этническую общность, непременно входящую в «коалицию культур», связанных общими святынями. Изолированное племя, изолированное царство — не нация. Нации не замкнуты и в постоянной переключке друг с другом. Нации не имеют своего особого бога: у десятков наций (в отличие от племен) — один Бог. Поэтому национальное (в отличие от племенного) не может быть поставлено на первое место, оно стоит после божеского. Такова иерархия, установленная мировыми религиями в Осевое время. Для простоты я ограничусь христианством, хотя для меня все великие мировые религии едины в обращении к личности через голову народа, племени, семьи — едины в Духе Святом.

«Несть во Христе ни эллина, ни иудея» (ап. Павел). Это, не значит, что эллинов и иудеев вовсе нет, не должно быть. В частном случае может быть и так (иудей/ становясь Христианином, переставал быть евреем). Но почти всегда достаточно того, что «надо слушаться Бога больше, чем человеков» (ап. Павел), и при столкновении божеского с национальным национальное отступает. Пока эллины были язычниками, христиане резко противопоставляли себя местному патриотизму.

«Для христианина всякое отечество — чужбина и всякая чужбина — отечество», — писал анонимный апологет II в. Потом, когда эллины крестились, народное сознание сдвинулось в другую крайность: христианское вероисповедание стало мыслиться как племенная религия, как «русская вера»; «польская вера» и т.п. То есть, язычество перекрасилось, переделось в христианское платье.

Серьезно понятое «христианство» никогда с этим не мирилось, и П. А. Флоренский в своей заметке о православии резко критиковал соотечественников за национализацию Бога. «Оставь все и иди за Мной»; «Я пришел разлучить отца с сыном»; «Враги человеческие домашние его» — эти слова Христа никто не отменил. В случае конфликта патриотизма и совести — совесть выше. Совесть — дело бессмертной души человеческой, она выше народов, наций и государств. Личность бытийственно выше нации (или глубже — пространственные термины здесь условны). Нация не обладает бессмертной душой, ее величие — целиком в мире временного, бренного, только личность доступна вечной памяти. Вместе с Иоанном Златоустом или Симеоном Новым Богословом мы поминаем и Византию, но только косвенно, только как обстановку их духовного творчества. Византия сама по себе умерла — и нет ее больше.

Эта философия ведет к мысли, что права личности стоят выше народных, национальных прав. А у нас что произошло? Как только провозглашены были права человека (и подняты над интересами советского государства), так сразу же выдвинулись на первое место национальные права. Казахстаном должны править казахи; Нагорный Карабах не должен управляться из Баку... Все это до известной степени верно. Право на свое национальное развитие относится к числу неотъемлемых прав личности. Однако — до тех пор, пока большая нация не начинает давить других, не оскорбляет их, не злоупотребляет положением большинства. До тех пор, пока средства борьбы за права меньшинства не стали кровавыми. Национальное — не Бог и не вправе требовать себе в жертву Исаака.

На наших глазах униженные и оскорбленные, подавленные в своих национальных чувствах, стали деспотами и мучителями. Великодержавный шовинизм уступил место малодержавному шовинизму, пожалуй, еще более агрессивному.

Что же делать демократической России?

Есть простой выход: не давать русских в обиду, заступаться за своих, где бы они ни были. Но сербские генералы это уже попробовали. И Россия присоединилась к санкциям против Сербии.

Гордиев узел нельзя разрубить мечом. Его надо распутывать.

В свое время Талейран выдвинул принцип — легитимизм, возвращение королям их законных прав и, опираясь на этот принцип, защищал Францию от раздела. Я выдвинул бы как принцип новый легитимизм: утверждение законных прав личности, прав человека.

Наша политика лишена идеи. Ельцин отступает перед саратовской толпой, парламент — перед вызовом Чечни. Генералы хватаются за меч. Так можно развалить не только СНГ, но и Российскую Федерацию. Наступили решающие месяцы; мы на краю хаоса. Российская политика должна обрести правовую строгость. И прежде всего — в своем собственном доме, внутри страны.

Только опираясь на образцовое соблюдение прав меньшинств в России, российская дипломатия может добиваться давления международных организаций на малодержавных шовинистов, поставивших русских в положение цветных жителей ЮАР, и добиваться санкций.

Один из самых важных вопросов внутренней и в то же время внешней политики - восстановление законных прав немцев Поволжья. Даже если это потребует введения частей ОМОНа в Саратовскую область. Другой важный вопрос — создание особого трибунала, быстро разбирающего дела о разжигании национальной розни и твердо наказывающего виновных (твердо — не в смысле драконовских наказаний, а в неукоснительном преследования каждого случая). Нельзя допускать многодневные демонстрации с нацистскими лозунгами. Нельзя допустить съезд, на котором вывешен портрет Гитлера, и т. п.

Думая о статусе русскоязычного населения вне России, надо начать со статуса нерусских меньшинств в Россия. Есть ли украинские школы в кубанских станицах? В 1927—1933 гг. преподавание велось там на украинском языке. Есть ли татарские школы в Москве?

Только опираясь на последовательную политику юридического полноправия и культурной автономии меньшинств в России, можно добиться — через общественные организации, через ООН — защиты меньшинств вне России. Не только русских. Россия должна стать адвокатом всех меньшинств. Права личности — это принцип, а не интрига, и политика должна следовать принципу.

Российская политика может быть успешной только при последовательном укреплении ООН и общеевропейских организаций. Интересы России здесь совпадают с глобальными интересами человечества. Современная цивилизация не может обойтись без глобальной солидарности. Только международное регулирование может остановить нарастание экологического кризиса и других сопутствующих кризисов современности. Без международного регулирования человечество уже в ближайшие десятилетия окажется перед угрозой гибели биосферы. А регулирование невозможно без установления во всех странах правового порядка, опирающегося на сильно развитую личность против обезумевших толп и истерических вождей.